

Петр Северцев

Электорат хакера

*Часть сборника
Маленький ад для хакера
(сборник)*

Хакер

Петр Северцев

Электорат хакера

«Научная книга»

Северцев П.

Электорат хакера / П. Северцев — «Научная книга», — (Хакер)

«Наконец-то наступили радостные перемены в погоде. Вместо той водянистой гадости, которой небеса поливали нас в течение трех дней, улицы города заполнились теплым солнечным светом. И несмотря на то что разбухшие осенние листья все еще тонули в бесконечных лужах, сила солнечных лучей обещала в ближайшее время удалить водяные болотца с тротуаров, а гуляющий ветерок – засыпать их лиственным ковром, и наступит счастливая пора, называемая в народе «бабьим летом». Надо сказать, что этой поре радовались не только бабы, но и я...»

Петр Северцев

Электорат хакера

© ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2000

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Наконец-то наступили радостные перемены в погоде. Вместо той водянистой гадости, которой небеса поливали нас в течение трех дней, улицы города заполнились теплым солнечным светом. И несмотря на то что разбухшие осенние листья все еще тонули в бесконечных лужах, сила солнечных лучей обещала в ближайшее время удалить водяные болотца с тротуаров, а гуляющий ветерок – засыпать их лиственным ковром, и наступит счастливая пора, называемая в народе «бабьим летом». Надо сказать, что этой поре радовались не только бабы, но и я.

Утром, готовя завтрак, я насвистывал самые дурацкие мотивы, которые знал, а выйдя из квартиры, вдохнул полной грудью еще слегка влажный осенний воздух, который смешивался в моих легких с едкими парами сигарет «Соверен». Я медленно пошел к своему транспортному средству, а именно – «ноль первым» «Жигулям» с целью оседлать старушку для своих дневных разъездов. Но, увы, она не далась.

Двигатель как-то странно прогоготал и затих. Видимо, это была радость по поводу предстоящего дневного отдыха. Мысленно определив, что это может быть, я пришел к выводу, что забастовал карбюратор. Он категорически отказывался петь гимн труду и требовал отгула.

– Ладно, – сказал я, поскольку был в хорошем настроении. – Но только на сегодня.

И, подтверждая свои слова, хлопнул дверью машины. Засунув сигарету в уголок рта, я с остатками хорошего настроения двинулся к выходу со двора через арку. Однако выхода как такового я не обнаружил, во всяком случае, пригодного для пешехода. Вся наземная часть была заполнена огромной лужей, образовавшейся за три дождливых дня. Я подумал, не вернуться ли мне и не заставить ли свою «коломбину» поехать, но потом решил напрячься и осторожно, прижимаясь к арке, как канатоходец, стал пробираться к выходу на улицу. С утра я почистил свои ботинки на радостях по поводу хорошей погоды, и все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы их не запачкать.

И вот, когда я уже миновал почти весь проход, оставался один шаг к сухому месту, мои ушные мембраны потряс мощный звук оркестра, который резко, почти фортиссимо, начал играть бессмертное творение Шопена под названием «Похоронный марш».

Это было очень странно и неожиданно: человек, почти преодолевший преграды, прошедший путь из темной подворотни к свету, был приветствован на выходе таким оригинальным образом. От неожиданности я потерял равновесие и, активно размахивая руками, с ужасом понял, что я картинно падаю спиной в лужу. В последний момент я извернулся и сделал шаг в направлении своего падения. Моя правая нога приземлилась в центр лужи. И, чтобы изменить раскоряченное положение тела, мне ничего не оставалось, как поставить рядом с ней и вторую.

Последовавшая картина была по-своему сочна и колоритна: в центре лужи, на выходе со двора, стоит мужчина в длинном сером плаще, с сигаретой во рту и задумчиво наблюдает, как из его ботинок идут пузыри. Все это сопровождается не сильно греющим душу «музыкальным рядом» наярывающего оркестра.

Наконец, когда я убедился, что мои ботинки полны воды и я увяз в грязи по самую щиколотку, я понял, что точно влип, и громко произнес сакраментальное:

– Е... твою мать!

И тут же спохватился, поскольку из соседнего двора начала свое движение похоронная процессия, выносящая тело усопшего. Подобные неформальные высказывания, таким образом, были несколько неуместны. Я выплюнул в лужу истлевшую сигарету и стал внимательно следить за процессией, пытаясь угадать, кто же из моих соседей имел неосторожность встретиться с дедушкой Кондратием.

Процессия была достаточно многолюдной, бросалось в глаза то, что в толпе было множество молодых, хорошо одетых женщин. Похоже, покойный имел на молодежь женского пола большое влияние.

И тут сзади меня раздался звонкий, хорошо поставленный голос:

– Добрый день.

Я медленно, не переставляя ботинок, повернул голову в сторону обладателя голоса, желая узнать, кто же надо мной решил так поиздеваться. Передо мной стоял невысокого роста мужчина, коренастый, с аккуратно причесанными волосами и маленькими черными глазками. Он был одет в темно-синий плащ с погончиками и производил впечатление отставного сотрудника ФБР.

– Ну, допустим, – ответил я ему.

– Простите, не понял, – маленькие светящиеся глазки на секунду стали холодными и серьезными.

– Допустим, он добрый, – пояснил я.

– А, вы в этом смысле? – глазки опять повеселели.

– Да, в этом смысле. Если вам нужно похоронное агентство – оно напротив, если же нужны похороны – они справа от меня.

– Мне нужен некто господин Мареев, – сказал незнакомец.

– В таком случае это я, и прошу следовать за мной, – и не выходя из лужи, я пошел напрямиком обратно к себе во двор.

Незнакомец некоторое время, скорее всего, следил за мной недоумевающим взглядом, словно перед ним был спаситель, ступавший по воде, но, наверное, решил все же не воспринимать все буквально и шустренько перебрался во двор по краешку лужи. Я открыл дверь своей квартиры и прошел внутрь. Коренастый господин вошел следом и остановился в прихожей. Я еще раз печально посмотрел на свою обувь и резким движением швырнул ботинки в угол прихожей. Туда же были отправлены носки. Сам же я босиком прошлепал в ванную комнату, бросив незнакомцу:

– Проходите, почувствуйте себя как дома.

Тот, видимо, понимал все с первого раза и стал быстро расстегивать плащ и снимать ботинки. Проделав все это, он обулся в мои тапочки.

Помыв ноги горячей водой и надев чистые носки и брюки, я явился к себе на кухню в запасных тапочках и с удивлением обнаружил, что там уже хозяйничает незнакомец, поставивший на плиту чайник и расставляющий чашки. Заметив мой недоуменный взгляд, он сказал:

– Чтобы не простудиться, парения ног недостаточно, надо попить еще горячего чая. Это оградит вас от простуды. Надеюсь, вы не обидитесь, что я так бесцеремонно...

– Там еще есть куча грязного белья, и вторая половица в спальне поскрипывает. Устранив эти дефекты, вы также оградите мою нервную систему от потрясений.

Гость добродушно усмехнулся и пропустил мою грубоватую шутку, продолжая разливать чай.

– Вообще-то я люблю кофе, – заметил я, бросая в свою чашку с чаем пару кусочков сахара.

– Ну, всего не предугадаешь, – парировал незнакомец. – К тому же чай гораздо полезнее. Я не стал продолжать дискуссию, отхлебнул глоток чаю и сказал:

– Ну, теперь я готов вас внимательно выслушать. Кстати, с кем, собственно, имею честь?..

– Моя фамилия Гайдук, – как бы между делом отметил посетитель. – Сергей Геннадьевич.

– Очень, очень приятно, – сказал я, глотая очередную порцию хорошо заваренного душистого чая. – И чем я могу быть вам полезен в ответ на любезно проявленную обо мне заботу?

– Небольшая преамбула, – быстро и коротко, деловито потирая руки, заметил Гайдук. – Как вы знаете, только что дан старт очередным выборам в областную Думу второго созыва. По Коровинскому избирательному округу наравне с другими выдвинул свою кандидатуру господин Ершевский. Полагаю, что эта фамилия вам знакома...

– Ни малейшего понятия, – радостно ответил я ему, чем его совершенно не смутил.

– Так вот, я исполняю функции начальника избирательного штаба господина Ершевского и в данном случае представляю здесь его интересы.

– А какие, собственно, у господина Ершевского могут быть здесь интересы? – удивился я.

– Сейчас я объясню. На сегодняшний момент единственная незанятая должность в штабе господина Ершевского – должность начальника службы безопасности на период избирательной кампании. С целью предложить вам занять эту вакансию я и явился сюда.

Я молча вытаращился на моего собеседника и открыл рот. Моему удивлению не было предела. Видя мою глупую мину, Гайдук еще больше приободрился. Глазки еще больше засветились, губы напряглись кокетливой улыбкой. Он был явно доволен произведенным впечатлением. Я же, будучи недоволен тем, что он явно доволен, стал медленно выходить из дурацкого оцепенения. Я загасил сигарету, тут же зажег новую и, выпустив в потолок дым и глядя, как он медленно расползается по побелке, задал показавшийся мне оригинальным вопрос:

– Я что, похож на Сашу Коржакова?

– Нет, ну что вы, господин Ершевский еще не мнит себя президентом. Хотя пути господни неисповедимы, – он в очередной раз скривил кокетливую рожу. – Для справки могу сказать, что на сегодняшний момент Георгий Ершевский является президентом фирмы «Корабль Иштар» и руководителем ассоциации «Защита бизнесменов от произвола».

– По-моему, я не гожусь даже на роль громилы в пивном баре, а уж роль начальника охраны для меня совершенно новая. У меня нет никакого опыта работы, хотя бы схожей с той, что вы мне сейчас предложили.

– А знаете, – вдруг неожиданно и несколько восторженно воскликнул начальник штаба, – это даже очень хорошо! Нам и не нужен, как говорят, крепкий профессионал, нам нужен мыслитель! Нам нужен ваш интеллект! Нам нужен ваш опыт работы детектива, нам нужен человек, который доказал, что может принимать оригинальные и нестандартные решения, которые способны изменить ситуацию в лучшую сторону, найти ход, который совершенно невидим для банального обывателя! Собранные нами рекомендации говорят о том, что вы именно такой человек...

По мере развития данного монолога мне неожиданно стал нравиться этот простой и честный человек, который может так четко и ясно, не опускаясь до грубой лести, излагать свои мысли, которые, видимо, имеют под собой реальные основания. И в конце концов, что я, собственно, теряю? Я уверен, что мой опыт работы детектива и вообще жизненный опыт вполне, вполне достаточен, чтобы выполнить любую работу подобного толка. Не громилой же в пивной бар меня приглашают! Надо же когда-нибудь занимать положение в обществе, соответствующее моему потенциалу!

Тут я заметил, что полулежу, развалившись на кухонном кресле. Видимо, в процессе этих размышлений я слегка расслабился. Я резко выпрямился, еще раз деловито затянулся и ответил, стараясь не глядеть на Гайдуга, который буквально пожирал меня глазами:

– Ну что ж, ваше предложение действительно выглядит интересным. На данный момент я не занят никаким конкретным делом и думаю, что если мы уточним две маленькие неясности, то вполне можем договориться.

– Какие неясности? – быстро выпалил Гайдук.

– Первая: сколько я буду получать? Мои расценки достаточно велики, насколько вы сможете их оплатить? Я беру сто баксов в день.

– Заметано, – так же быстро ответил Гайдук. – Еще что?

Меня слегка удивила скорость, с которой он распорядился несколькими тысячами долларов, скорее всего не своими.

– Вторая неясность заключается вот в чем: а что я, собственно, буду делать? Хотя стреляю я неплохо, но все же телохранитель из меня никакой...

– Груды мышц у нас достаточно. Эту грудку вы и будете курить. Она насчитывает пять крепких молодцов, входящих в подразделение физической защиты. Главное, чем вы должны будете заниматься, – это организацией самой системы безопасности. В ваши функции будет входить предотвращение возможных эксцессов и провокаций. Честно говоря, наши аналитики не ожидают каких-либо фатальных вещей, но провокации и мелкие пакости почти гарантированы.

Я еще раз задумался, и почему-то мне очень захотелось согласиться.

– Считайте, что я ваш.

– О'кей, – ударил в ладоши Гайдук, резко откинувшись в кресле. – Итак, сделка заключена, завтра в девять утра мы ждем вас на работе. Адрес – Сенная, 8. Машину вам предоставить?

– Нет, спасибо, пока не надо. Думаю, что я доеду на своей.

– Ну что ж, – бодро вскочил на ноги начальник штаба. – Не смею вас больше задерживать, парьте ноги, пейте чай. Набирайтесь сил на месяц работы. Вы нам нужны здоровым и бодрым.

И он стремглав, ловко огибая кухонную мебель и утварь, покатился к выходу. Там он в быстром темпе обулся, оделся, еще раз попрощался и вышел вон.

– Да... – медленно протянул я, глядя на захлопнувшуюся дверь. – Ну, в конце концов, он, наверное, все же неплохой человек...

Я посмотрел на часы. Шел уже третий час дня. Я решил похерить все намеченные мной на сегодня дела и провести спокойно вечер дома.

После обеда я направился в потайную комнату оповестить Приятеля о своих планах на ближайший месяц. Я быстренько ввел в компьютер основные эпизоды моей беседы с посетившим меня начальником избирательного штаба господина Ершевского, закончив сброс информации фразой: «Итак, до 17 октября я в штабе Георгия Ершевского».

Приятель ответил сухо и, как мне показалось, даже черство. Надо признаться, эта железная скотина умела испортить мне настроение. На сей раз он достиг этого несколькими фразами. На мониторе высветилось:

ИНФОРМАЦИЮ ПРИНЯЛ. РАБОТА НЕПРОФИЛЬНАЯ. СОВЕТУЮ ЛУЧШЕ СЪЕЗДИТЬ ОТДОХНУТЬ НА МОРЕ ДО 17 ОКТЯБРЯ... НЕ ВИЖУ КОНКРЕТНОГО ЗАДАНИЯ.

«Что ты вообще можешь видеть, старый драндулет?» – лопнуло мое терпение. Хотя в глубине души я понимал, что Приятель совершенно прав. Для него работы пока не было. Я прекратил сеанс связи и погасил монитор. Вернувшись в зал, я включил телевизор, налил себе из кофейника кофе и взялся за сегодняшнюю прессу. Надо сказать, ни то, ни другое, ни третье меня всерьез не заинтересовало, я просто убивал время, периодически переключая свое внимание от одного к другому. Уже был поздний вечер, когда неожиданно для меня раздался звонок в дверь. Я подумал, что это кто-то из соседей приперся в очередной раз за какой-нибудь ерундой. Возможно, Колян пришел отметить со мной свою новую удачную сделку, сторговавшись на Молочной поляне с еще одним коммерсантом о возврате долга.

Открыв дверь, я удивился – на пороге стоял совершенно незнакомый мне седой мужчина возраста примерно пятидесяти лет. Он был одет в длинный бежевый плащ. Из-под кустистых бровей на меня напряженно, не мигая, смотрели серые глаза. Мужчина был тщательно выбрит, глубокие складки вокруг рта придавали его лицу волевой и жесткий вид.

– Вы разрешите? – хриплым голосом спросил он. От мужчины слегка повеяло перегаром.

Я внимательно посмотрел на него, и сам себе удивившись, подвинулся в сторону, сказав:

– Проходите.

Мужчина решительно вошел, как-то ожесточенно сбросил с себя плащ и, не снимая ботинок, быстро прошел в комнату. Из всей стоявшей в комнате мебели он выбрал жесткий стул, рывком поставил его напротив моего кресла и быстро уселся на него, воззрившись на меня своими немигающими серыми глазами. Во всем его поведении чувствовалась какая-то нервозность и даже злоба. Я, прислонившись к дверному косяку, понаблюдал за его действиями, затем пультом выключил телевизор, после чего уселся напротив гостя и выжидательно уставился на него.

Он резко поменял позу, поправил своими широкими плечами дорогой пиджак, который сидел на нем как литой.

– Я к вам по делу, – пробасил он.

– Я уже догадался, – ответил я.

Почему-то мне на этот раз не хотелось ерничать и подкалывать своего посетителя. Что-то было в нем такое, что наводило на мысль об осторожности. Передо мной сидел решительный и волевой человек, который, по всей видимости, находился в состоянии нервного кризиса. Причины его посетитель изложил мне спустя несколько минут.

– Вы, наверное, меня не знаете, хотя в свое время я жил здесь недалеко, – начал он. – Двадцать лет назад я переехал отсюда: сначала в другую квартиру, потом в другой город. Моя фамилия Булдаков Борис Игнатьевич. Здесь недалеко, через двор от вас живет мой родной брат Валерий со своей женой Инной. Там же вместе с ними проживала до недавнего времени и моя племянница Оксана.

Он порывисто вздохнул и спросил:

– У вас можно курить?

– Да, пожалуйста.

Он достал пачку «Мальборо» и щелкнул «Зиппо». Глубоко затянувшись, он сказал:

– Пять дней назад мою племянницу убили.

Булдаков еще раз затянулся сигаретой и в упор уставился на меня стеклянным взглядом. Сначала мне показалось, что он просто ждет, какое впечатление произвели на меня его слова. Потом я понял, что он не знал, как продолжить разговор. Я постарался помочь:

– Как это случилось?

Булдаков перевел взгляд на свои ботинки и сказал:

– Ее зарезали.

Он произнес эти слова так, что мне стало как-то не по себе. Что-то внутри меня сжалось, словно в ожидании удара стального клинка.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее об обстоятельствах, – попросил я гостя.

Он нервно загасил недокуренную сигарету, наклонился в мою сторону, сцепив замком крупные и в то же время холеные кисти рук. «Таковыми руками можно придушить удава», – подумал я. Однако в последние годы, скорее всего, Булдаков вряд ли занимался гиревым спортом, и уж совсем не похоже, чтобы он работал на фрезерном станке.

Взяв себя в руки, Булдаков начал говорить четко и ясно, как, по всей видимости, он и делал это обычно:

– Труп моей племянницы со множеством ножевых ранений был найден позавчера за мусорными баками около забора, отделяющего СМУ-7 от Дороги Дружбы. По всей вероятно-

сти, она пролежала там два или три дня, поскольку обнаружили труп работники ЖКХ, которые убирали мусор. А убирают они его обычно один раз в три дня. Перед убийством Оксана была жестоко изнасилована и, видимо, подвергалась пыткам.

– Что говорят официальные органы?

– Как всегда, у них много версий и мало информации. Поскольку у Оксаны не нашли сумочку, есть версия, что это было ограбление. Не исключено, что это работа какого-то маньяка. Выдвигается также версия бытового характера.

– Что в данном случае имеется в виду?

– У нее был какой-то друг, который якобы не очень радовался ее занятиям. Не исключено, что между ними произошла ссора, и он, находясь в состоянии аффекта, совершил с ней это. По крайней мере, такова версия милиции. Сейчас мальчишка находится под стражей и ведется допрос.

– Простите, а какого рода занятия Оксаны не устраивали этого молодого человека?

Булдаков снова полез за пачкой «Мальборо» и опять щелкнул зажигалкой. На сей раз в его жестах проскальзывали некоторые неловкость и смущение.

– Оксана была непростым ребенком, хотя мне всегда нравилась эта девочка. Видите ли... – он тяжело вздохнул. – В общем, в последнее время она занималась проституцией. К сожалению, в связи с моей работой, моим переездом в Москву я упустил из виду эту девчонку. Хотя, когда еще жил и работал здесь, я всегда старался уделить ей как можно больше внимания. Своих детей у меня, к сожалению, нет, а ее родители являются откровенными неудачниками: мой брат – обычный пьяница, его жена – недалекая и забитая бытовыми проблемами женщина. Они не смогли ей дать того, что хотел дать я. Но, увы... Когда я пять лет назад переехал в Москву, я думал, что сначала налажу дела на работе, устрою свой быт и перетяну Оксанку к себе, чтобы дать ей возможность получить хорошее образование и устроить на работу. К сожалению, я слишком долго решал все эти проблемы, а когда наконец решил, было уже поздно – случилось непоправимое. Какая-то тварь... Видите ли, я любил эту девочку как дочь. Я понимаю, что сейчас уже поздно. Единственное, что я могу теперь для нее сделать, – отомстить за нее.

Он с таким хрустом сжал свои руки, что я подумал: если бы я был убийцей его племянницы, то почувствовал бы себя очень неуютно в этом мире.

– Собственно, по этой причине я и обратился к вам как к частному детективу, – резюмировал Булдаков. – Я состоятельный человек и не остановлюсь ни перед какими расходами, для того чтобы найти убийцу. Я хотел бы выслушать ваши условия.

Я чувствовал себя по-идиотски: передо мной сидел человек, горе которого было неподдельно, готовый к тому же хорошо оплатить мою работу. Пожалуй, это был тот случай, когда мне хотелось бы заняться этим делом не только из-за денег. Но казус состоял в том, что несколько часов назад я дал согласие на сотрудничество с человеком по фамилии Гайдук в деле, которое меня совершенно не захватывало. Но я дал слово и по заведенной этике не мог просто так от него отказаться. Я слегка нервничал, но все же как можно более спокойно сказал гостю:

– Мне больно это говорить, но я, к сожалению, вряд ли смогу вам чем-то помочь. Хотя с удовольствием помог бы... Сегодня я уже дал согласие на работу с другим клиентом.

Как только я заговорил, Булдаков вперил в меня холодный стальной взгляд. Я чувствовал себя человеком, который якобы обманул его. Отчасти это было так – я обманул его ожидания.

– Речь идет о каких-то суммах? – спросил меня холодным тоном Булдаков. – Я же сказал, что пойду на любые расходы.

– Нет, – твердо сказал я. – Я получаю одинаково высокие гонорары за все свои заказы. Речь идет о том, что я уже дал согласие. На то, чтобы заниматься двумя делами одновременно, меня может не хватить – я подведу кого-нибудь из вас.

После этих слов моего посетителя словно подменили: он устало откинулся на спинку стула, потер ладонью лицо, бросил какой-то вялый взгляд в мою сторону, потом резко поднялся, сказал:

– Извините, – и быстро направился к выходу.

Мне стало совсем неловко, и я, как-то неожиданно для себя, крикнул:

– Подождите! Единственное, что я могу вам обещать, – если у меня будет возможность и если вас это устроит, то я попробую помочь вам в этом деле пока безвозмездно. Составьте мне информацию об убийстве, о круге знакомств вашей племянницы, о подробностях ее жизни в последние два месяца – возможно, я помогу вам, не занимаясь напрямую вашим делом. В любом случае хуже вам от этого не будет.

Булдаков задержался в дверях, подумал секунду-другую, потом повернулся и сказал:

– Хорошо, завтра вечером я передам вам все, что знаю об этом деле.

На этом мы и расстались.

Остаток вечера я провел в раздумьях о правильности сделанного мной сегодня выбора. В глубине души мне хотелось все же заняться делом Оксаны Булдаковой, да и Приятелю это дело было бы больше по душе, если можно так сказать. Но я не стал сегодня беспокоить его информацией по поводу сорвавшегося дела об убийстве девушки и категорически прервал свои терзания, отправившись спать.

Утром я встал пораньше и, наспех перекусив, отправился во двор с неумолимой решимостью завести свой тарантас. «Пешка», как бы уловив мой настрой, легко обнаружила имевшийся у нее дефект в виде мембраны в бензонасосе, после чего завелась как миленькая.

Переодевшись соответственно моему предполагаемому новому рангу – с моей точки зрения, вполне подходили дорогой пепельно-серый пиджак типа «Чиннель» и лакированные ботинки. Брюки и рубашку я предпочел черного цвета. Оценив свое отражение в зеркале в прихожей, я скромно подумал про себя, что тяну на должность шефа секьюрити любого политического босса, по крайней мере местного уровня.

Сев в «Жигули», я тронулся с места и, успешно миновав злополучную лужу, в которой вчера по своей неосторожности имел несчастье «попарить» ноги, поехал в направлении Сенного рынка, в окрестностях которого и располагался офис фирмы «Корабль Иштар».

По указанному мне Гайдуком адресу я обнаружил новое четырехэтажное здание из стекла и бетона. Судя по количеству разномастных и разнокалиберных вывесок на фасаде здания, здесь размещалась не одна контора.

Почти весь первый этаж занимал офис фирмы и одновременно штаб кандидата в депутаты, чья физическая, моральная и экономическая безопасность должна была стать для меня на ближайший месяц предметом особого внимания. «Корабль Иштар» имел отдельный вход с улицы, остальные же арендаторы проникали в свои помещения со двора.

Я поднялся на крылечко и нажал на кнопку звонка, который мелодично тренькнул. Металлическая дверь, обклеенная шпоном под дуб, звякнув и чмокнув, тихо отворилась. На пороге стоял здоровенный рыжеволосый детина в тренировочном костюме «Адидас». На ногах у него были кроссовки «Рибок», а под курткой виднелась майка с фирменным лейблом «Пума». «Видимо, парень является крупным коллекционером спортивной одежды», – подумал я про себя, внимательно и вместе с тем бесцеремонно оглядев его. Такая бесцеремонность ему не понравилась, и на мое любезное: «Здрасьте!» он ответил неадекватным, на мой взгляд, вопросом:

– Вы кто?

Я решил продолжить диалог в таком же духе и спросил:

– Это штаб кандидата в депутаты Ершевского?

Он не уступал:

– А кого вам надо?

Я решил сдаться и сказал:

– Мне нужен Гайдук.

– А вы кто будете? – повторился парень.

Видимо, его диалоговые ресурсы были тоже на исходе. И тут я сразил его наповал, хотя он и устоял на своих тумбообразных ногах:

– Если все будет нормально, то я буду твоим начальником. А фамилия моя Мареев.

Парень рассеянно посмотрел на меня и сказал:

– Подождите минуточку, – и закрыл передо мной дверь.

«Ну, ни фиги себе», – чуть не вырвалось у меня. – «Этот первым пойдет в наряд вне очереди и будет чистить картошку на кухне, как только я войду во власть».

Через несколько секунд дверь отворилась, и на пороге появился сияющий и довольный непонятно чем Гайдук.

– Доброе, доброе утро, уважаемый Валерий Борисович! – почти пропел он.

– Здравствуйте, Сергей Геннадьевич, – как мог улыбнулся я.

– Это недоразумение – моя вина, я забыл предупредить Вову, чтобы он в первую очередь спросил вашу фамилию.

– А я и спросил, – прогудел рыжеволосый охранник, сконфуженно переминаясь сзади начальника штаба.

– Видимо, ты спросил не в той форме, – с некоторым раздражением повернулся к нему Гайдук. И, уже улыбаясь, добавил: – Ведь это твой будущий начальник, мог быть и повежливей, – его глазки снова излучали добродушие. – Но довольно об этом, проходите, я познакомлю вас с нашим логовом.

Мы прошли в довольно просторный, но неярко освещенный холл, в котором почему-то не было окон. Из мебели в нем находилось одно большое мягкое кресло, которое служило уютным пристанищем для задницы охранника Вовы. Рядом стоял столик, на котором красовалась бутылочка колы. Главным источником освещения, за исключением двух слабеньких настенных светильников, был большой телевизор, работавший вполтона и вещавший об очередных трагедиях и радостях какой-то бессчетной Розы-Марии-Виктории. На месте Вовы я лучше бы активизировал стоявший на телевизоре видик и посмотрел какую-нибудь порнуху, однако, похоже, что официальность этого заведения не позволяла ему это.

Из холла в глубь помещения уходил длинный, неширокий коридор, по бокам которого располагались двери. Отделка помещения соответствовала лучшим традициям современных офисов: толстый линолеум на полу, подвесной потолок типа «армстронг», на стенах – дорогие английские тисненные обои а-ля «мраморная крошка», белые двери, которые в магазинах наверняка были прорекламированы как «дорогие филенчатые двери из Таиланда». Начальник штаба провел меня вдоль стены и открыл одну из дверей. Мы попали в просторное помещение, по бокам которого стояли черные стеллажи с офисными папками, а в углу – небольшой кожаный уголок из мягкой кожаной мебели. На столике рядом стояли кофейник и ваза с печеньем и конфетами.

В центре помещения находился внушительных размеров стол для заседаний, обставленный стульями на колесиках. Одна из стен этого помещения была свободна от мебели, в центре ее висела огромная карта района, по которому баллотировался господин Ершевский. Большая комната была смежной с другой, значительно меньших размеров, через открытую дверь я разглядел стоящие на столах компьютеры, за одним из которых сидели двое молодых людей. Гайдук, повернувшись ко мне, сказал:

– Располагайтесь, через минуту шеф освободится, у него сейчас люди, я вас приглашу, – и тотчас вышел в коридор.

Я еще раз окинул взором помещение и посчитал, что лучшим способом расположиться будет усесться в кожаном уголке. Я пощупал кофейник – он был горячий – налил себе кофе,

взял из вазы печенье и принялся активно поглощать это. Поскольку в комнате никого не было, а уголок находился недалеко от маленькой комнатухи, я волей-неволей стал прислушиваться к диалогу работающих за компьютером людей. Через минуту я понял, что господа составляют листовку, в которой всяческим образом пытаются представить нашего кандидата как самого достойного из всех собирателей голосов.

– Так, что у нас получилось? – хриплым простуженным голосом подводил итог один из агитаторов. – Ершевский Георгий Михайлович, 35 лет, образование высшее, прошел путь от агронома до руководителя...

– Слушай, а как его в агрономы-то занесло? – спросил другой, по голосу более молодой.

– Закончил сельхозинститут, вот и занесло. А что тебе не нравится?

– Да ну, как-то... – неуверенно замылся тот. – Как-то неизящно... Пожалуй, на мой вкус интеллигентнее звучало бы зоотехник.

– Ты ничего не понимаешь, – возразил хрипчатый. – Агроном – это звучит гордо, а зоотехник – это все ваши интеллигентские штучки. Со словом агроном ассоциируется все сельское хозяйство, оно просто и понятно любому человеку, а понятие зоотехник вызывает сомнения в душе человека, оно неакцентированно. Понятие размыто – «зоо», «техник»... Да, именно агроном, пусть будет агроном.

– Слушай, – доверительно спросил более молодой. – А он на самом деле агроном?

– А фиг его знает, – ответил хрипчатый. – Вроде как да. По крайней мере, так сказали...

Что мы еще можем о нем сообщить? Женат, двое детей.

– Мы будем уточнять, что он был женат два раза, и дети у него от разных женщин, а от нынешней жены детей нет? – не унимался молодой.

– А что, это действительно так? – почему-то недоумевал хрипчатый.

– Можешь мне поверить, – со вздохом сказал молодой.

– Да он просто развратник, бабник какой-то! – усмехнулся хрипчатый. – Ты знаешь, по законам жанра, чтобы привлечь голоса мужской части населения, нужно было расписать всех его женщин, но поскольку самой активной частью электората являются женщины, то вряд ли они пойдут с радостью голосовать за такого кобеля. Поэтому надо написать осторожнее: женат, имеет двоих детей. Жена работает библиотекарем, дети учатся не в английской школе.

– Ну, это уже заискивание перед избирателями, – сказал молодой. – К тому же жена его вообще нигде не работает.

– Мы трудоустроим ее на период выборов в какую-нибудь районную библиотеку недалеко от дома, – съехидничал второй.

– А детей ты куда переведешь?

– Детей никуда переводить не надо, они живут со своими матерями и действительно учатся в обычных школах, которые сейчас почему-то называются лицеями.

– Нет, нет, давай оставим просто: женат, имеет двоих детей. И вообще, зачем нам скрывать, что наш кандидат – небедный человек и может себе позволить иметь неработающую жену?

– Скрывать не надо, но и выпячивать я бы не стал.

– Ну хорошо. Что у нас с трудовым путем кандидата? – спросил молодой.

– Обычный трудовой путь – после того как год отсидел в деревне по распределению, вернулся в город, поступил в аспирантуру сельхозинститута, но защититься не успел, поскольку наступили перемены. Пришлось бедняге заняться бизнесом. Начал с торговли сельхозпродуктами...

– Надеюсь, не картошкой ведрами торговал на базаре? – неодобрительно спросил молодой.

– Отчего же ведрами? КамАЗами-с. И не только картошкой, но и капуста попадалась в ассортименте, и огурчики-с, и лучок-с, и чесночком баловался...

– А потом что?

– Потом перешел на руководящую работу – открыл оптовую фирму, купил ряд магазинов, затем полетел за сигаретками, водочкой. Как говорил великий Ильич: дальше, дальше, дальше...

– Ильич так не говорил, – парировал молодой интеллектуал. – Это ему такой драматург Шатров в своей пьесе приписал. Пьеса, кстати, так и называется.

– Не умничай, – оборвал его хрипатый. – Давай лучше думать, что здесь написать.

– Думаю, что лучок и огурчики, как, впрочем, и сигареты с водочкой, надо опустить. Напишем просто – успешно занимался бизнесом, за короткий срок создал крупное торговое предприятие. А капусточку-то от гнилых листьев очищали перед продажей? – неожиданно спросил молодой.

– Конечно, – ответил его собеседник. – Кто же ее неочищенную купит?

– Значит, можно говорить о переработке сельхозпродуктов! – воодушевился молодой.

– Да, – ответил ему тут же хрипатый. – Да! Пусть неглубокой, но переработки! Хотя не знаю, одобрит ли это Гайдук.

– Наше дело маленькое – сочинить, а одобрять или не одобрять – дело руководства. Я так понимаю свою работу.

– И это правильно! – неожиданно ответил хрипатый голосом М. С. Горбачева. – Не будем, знаете ли, разводиться тут...

После чего один из них активно застучал по клавишам компьютера.

– Я думаю, шо... уважаемые избиратели, понимаешь, разберутся, кто, понимаешь, достоин их голоса, а кто – недостойн, – ответил молодой голосом Б. Н. Ельцина, закончив набивку текста.

Меня очень заинтересовали эти двое, я поднялся и пошел в направлении карты, стоя возле которой можно было наблюдать за работающими в маленькой комнате. Я не успел подойти к карте, как привлек к себе внимание этих двух сотрудников штаба. Хрипатый, который оказался невысоким коренастым мужчиной лет тридцати пяти, уставился на меня своими красными глазами, глядя поверх роговой оправы. Молодой высокий юноша с пышной кучерявой шевелюрой, слегка отъехав от компьютера на стульчике, так же с интересом, слегка открыв рот, наблюдал за мной. Первым спросил хрипатый:

– Вы кого-то ищете?

– Нет, я просто ожидаю господина Гайдука. Он оставил меня здесь на минуточку, но уже минут десять как не появляется. Я, собственно, к господину Ершевскому на прием.

– А по какому вопросу? – спросил молодой, кучерявый.

– О приеме на работу.

– Что, у нас в штабе есть вакантные должности?

– Пока да, – ответил я. – Но если мы удачно переговорим с Ершевским, то, видимо, уже не будет.

– И какая же из должностей у нас свободна? – не унимался кучерявый.

– Должность начальника службы безопасности, – монотонно произнес я.

Слова произвели на обоих впечатление. Они дружно сказали:

– А-а, – тут же отвернулись и сделали вид, что тщательно изучают только что набранный на компьютере текст.

Я не знал, радоваться или огорчаться мне подобному приему, но тут появился Гайдук и пригласил меня последовать за ним. Пройдя в конец коридора, мы вошли в одну из дверей, ничем не отличающуюся от остальных, и очутились в небольшой приемной. Гайдук направил меня к внутренней двери. По пути мы миновали стол секретарши и саму длинноногую секретаршу, которая, стоя перед этим столом, готовила на подносе кофе. Войдя в кабинет, отличительной особенностью которого являлось то, что здесь все, начиная от отделки и кончая

мебелью, было очень дорогим, я увидел гуляющего в центре помещения по толстому ковру молодого мужчину. Он был аккуратно причесан и выбрит, на нем была белая рубашка с засученными по локоть рукавами. Ворот рубашки был широко расстегнут, галстук валялся на письменном столе; мужчина, засунув руки в карманы, разгуливал по комнате и смотрел себе под ноги, как обычно гуляет по полю пацан в поисках консервной банки, которую можно попинать. Заметив нас, он остановился к нам боком и повернул голову с таким видом, будто он нас не ожидал. Гайдук представил меня:

– Это господин Мареев.

Мужчина развернулся к нам в фас, вынул правую руку из кармана и подал мне широко растопыренную клешню. У него была оригинальная манера подавать руку: он держал ее не вертикально, а параллельно полу, причем ладонь была повернута вниз, таким образом пожимавший ему руку человек как бы подлезал под нее своей. Я узрел в этом нечто символическое и подал руку как положено, заставив мужчину сделать то же самое.

– Ершевский, – сказал он.

– Мареев, – сказал я.

– Прошу, – сказал он.

– Спасибо, – сказал я.

После столь содержательного диалога мы направились к мягкому дивану, стоящему у стены. Тут же в дверь вошла секретарша и ввезла за собой тележку с кофейником. Гайдук разлил всем кофе, хотя никто его об этом не просил.

Ершевский, отхлебнув из чашки кофе и поставив ее на стол, повернулся ко мне и положил руку на спинку дивана. Я почти почувствовал себя ангажируемой женщиной. Обычно после двух-трех рюмок коньяка мужчина незаметно продвигается, и его рука уже лежит на спинке дивана сзади женщины. Еще одна рюмка, и она ложится ей на плечи. Но я прогнал от себя странные мысли, тем более что пили мы не коньяк, а всего лишь кофе.

– Вы знаете, мне о вас много рассказывали, – проговорил Ершевский.

– А я, к сожалению, о вас узнал только вчера... Впрочем, я не очень интересуюсь политикой и бизнесом, – сгладил я некоторую неудачность прозвучавшей фразы.

Ершевский убрал руку со спинки дивана и развернулся ко мне в профиль.

– Все дело в том, что у нас было несколько кандидатур на эту должность, – доверительно сообщил он. – Рекомендации, собранные нами, сработали в пользу именно вашей кандидатуры. Поэтому мы и предложили вам занять вакансию.

– А почему она образовалась? – поинтересовался я.

– К сожалению, прежний начальник службы безопасности...

– В общем, он заболел, – быстро вставил фразу Гайдук.

– А-а, – понимающе сказал я.

Ершевский был более откровенен:

– Несколько дней назад господин Серегин все же принял ту дозу спиртного, которая свалила его окончательно. На сегодняшний день он лечится на Алтынке. Мы могли направить его в лондонский Бедлам, но он так достал своими выходками, что у меня пока нет никакого желания заботиться о нем дальше.

– Так вам поэтому так срочно понадобился мой опыт детективной работы, ум, выдающиеся способности?

Гайдук пытался что-то объяснить, но Ершевский его резко прервал:

– Не умаляя ваших способностей, должен вам сказать, что ключевым фактором в принятии этого решения была ваша неангажированность властями.

– Теперь, по крайней мере, картина мне ясна полностью, – сказал я, без спроса закурил сигарету.

– Надеюсь, это не повлияет на ваше решение? – настороженно спросил Гайдук.

Я для приличия немного помедлил с ответом и сказал:

– Нет.

Мне показалось, что у обоих спало напряжение.

– Вот и хорошо, – сказал Ершевский, посмотрев на часы. – Через пятнадцать минут у меня должно состояться собрание ближайших сподвижников, которые готовы помогать мне в моей предвыборной кампании. Думаю, вам будет полезно поприсутствовать там.

После чего он встал, давая понять, что наша беседа закончена. Мы с Гайдуксом встали и покинули кабинет.

Ровно в 9.45 в зал для заседаний, где я сидел в одиночестве, стали входить незнакомые мне люди. Первым вместе с начальником штаба вошел здоровенный мальчик в цветастом спортивном костюме и белых кроссовках огромного размера. Как и водилось при такой экипировке, на шее у него поблескивала толщиной в мизинец золотая цепь. Первым делом я подумал, что это очередной из моих подчиненных, занимающийся физической защитой господ предпринимателей. Однако, судя по его дорогому костюму и цепняку на шее, он тянул как минимум на моего зама. Каково же было мое удивление, когда Гайдукс представил мне детину как Дмитрия Столярова, руководителя продуктовой базы «Куст».

Последний улыбнулся и смущенно подал мне здоровенную лапищу, которую я с осторожностью пожал. Не успели мы усесться за стол, как вошла еще одна парочка. Эти с виду были невзрачными: у обоих были простые русские лица, светившиеся сдержанной приветливостью. Тот, что был пониже, лучше одет и тщательно причесан, представился как директор фирмы «Торгово-транспортная компания «Ледокол» Сергей Яровой. Второй, более сухощавый и «притушенный», с горькими складками на лице, являлся директором овощехранилища «Поле чудес» Адрианом Чернобородовым. Я едва не заржал, когда услышал это название.

Яровой и Чернобородов словно оттеняли появление следующего действующего лица, который на их фоне производил впечатление гораздо более колоритное. Худой и коротко стриженный мужчина, он в отличие от других был одет в летний пиджак, рукава которого были засучены. Вошел он вальяжно, словно делая всем одолжение. В правой руке господин держал плоскую металлическую фляжку. Отхлебнув из фляжки напиток, который вряд ли был томатным соком, он с некоторой скукой оглядел всех присутствующих, и, когда Гайдукс представил меня ему, он нехотя переложил фляжку из одной руки в другую и вяло поздоровался. Я в пику ему пожал ее весьма энергично, и он скривился, как будто у него заныл зуб. После этого он отошел и уселся в дальнем от меня конце стола. Это явление звалось Тополянский Евгений, и был он главой фирмы «Инкомбинант».

Кроме того, появился некто Веселов, молодой человек, дисбаланс между новеньким с иголки костюмом и всклокоченными редкими волосами на голове совершенно не компенсировался наличием у него в руках сотового телефона, который он демонстративно переключал из руки в руку, как Тополянский свою фляжку. Как я потом заметил, бедняге так никто и не позвонил за все время совещания.

Наконец, в комнате появился сам Ершевский в сопровождении мужчины, которого бы приняли за своего и арабы, и евреи, и жители Кавказа. К последним, судя по фамилии, он и относился. Это был Альберт Джаванидзе, вице-президент ассоциации «Защита предпринимателей от произвола».

Ершевский уселся во главе стола, Джаванидзе сел справа от него. Пиджак Георгий не надел, но, отдавая дань официальности встречи, спустил рукава рубашки.

– Ну что ж, господа! Я очень рад приветствовать вас всех здесь сегодня и искренне надеюсь на взаимность, – начал Ершевский.

– Насколько мы рады тебя видеть, – подал голос Тополянский, – будет зависеть от темы нашей беседы.

Ершевский добродушно ухмыльнулся и сказал:

– Женя, как всегда, в своем репертуаре.

Тополянский не ответил, отхлебнул из фляжки и пожал плечами.

– К теме так к теме, – потирая кисти рук, сказал Ершевский. – Могу поздравить всех с тем, что у вас появился реальный шанс поиметь своего человека во властных структурах.

Тополянский чуть не поперхнулся очередной порцией спиртного:

– Жора, кого поиметь, мы найдем сами. Но зачем же это делать во властных структурах? Извращение какое-то...

– Женя, дай наконец сказать человеку слово! – резко повернулся к Тополянскому Джаванидзе.

– Да, пожалуйста, – обиженно отозвался Тополянский, после чего развалился на стуле, держа в руке фляжку, как скипетр.

– Так вот, – продолжил Ершевский. – Я хочу еще раз подчеркнуть, что появился реальный шанс выиграть очередные выборы в областную Думу. Надеюсь, все присутствующие понимают, как важно не упустить эту возможность. Вчера я зарегистрировался кандидатом в депутаты по Коровинскому избирательному округу города Тарасова.

– Ой, бля-я-я... – отозвался эхом Тополянский.

– Женя, по твоему глубокомысленному заявлению я понял, что тебя что-то не устраивает, – мобилизуя все резервы корректности, спросил Ершевский.

– Нет, отчего же, – ответил мистер Фляжка.

– В таком случае я продолжу. Как вы понимаете, я жду от вас реальной поддержки, прежде всего моральной, в этом непростом деле.

Собравшиеся одобрительно загудели.

– Георгий, ты же знаешь, что мы за тебя горой, мы всегда готовы оказать тебе любую моральную поддержку. Мы знаем, что ты наш человек, именно такой человек нужен нам в Думе, – серьезно и размеренно начал говорить Яровой.

– Да, – вторил ему Столяров, положив свои кулачищи на стол и тут же, застеснявшись, убрав их и зажав между коленями, отчего приобрел вид человека, давно не имевшего возможность справить малую нужду. – В общем, мы... завсегда с тобой... Мы... Всегда тебя... Поддерживали и будем...

– Жора, о чем речь! Другого человека у нас нет, мы всегда рады поддержать тебя в этих начинаниях, – убежденно сказал Чернобородов.

– Могу сказать только одно: рекламное агентство «Автореклама» окажет любую необходимую методическую помощь в организации выборов, – авторитетно заявил Веселов.

И на удивление оказался прав, застолбив таким образом объемы своей помощи Ершевскому. Видимо, он первый прочухал, о чем пойдет речь дальше.

– Как вы понимаете, – остановил одобрительный хор Ершевский, – моральная помощь вещь главная, но...

– Ой, бля-я-я... – снова эхом отозвался Тополянский.

– Женя, тебя что-то не устраивает? – с каменным лицом спросил его Ершевский.

– Нет, все нормально, так просто, – с деланным безразличием заметил Женя.

Ершевский смотрел на него несколько секунд немигающим взглядом, потом повернулся к аудитории и сказал:

– Да. Для победы нужны и деньги. Пусть немного...

– Бля-я-я, – с неумолимой неизбежностью простонал Женя, но председательствующий его уже не замечал.

– Как вы сами прекрасно знаете, бесплатно никто ничего не делает. Полиграфия, рекламное время на телевидении, масса организационных расходов плюс имиджевые проекты стоят денег.

И после некоторой паузы добавил:

– Полагаю, что пятидесяти тысяч долларов хватит для победы на этих выборах.

Зал разразился мертвой тишиной. Было слышно только бульканье спиртного, проходившего в данный момент через глотку Тополянского. Успех был сопоставим с успехом оперного певца, который блестяще спел арию, и зал, пораженный, молчит, чтобы через несколько секунд разразиться бурными овациями.

Первым не выдержал Ершевский. Помогая друзьям выйти из шока, он заговорил:

– Если кого-то интересует, что скрывается под понятием «имиджевые проекты», я могу пояснить. Думаю, что максимального успеха мы достигнем, если окажем реальную помощь населению Коровинского района, а именно: в сжатые сроки починим путепровод через Борисычев овраг и решим уже давно назревшую проблему строительства там же общественного туалета. Кроме того, нам необходимо построить две линии водопровода и канализации, которые серьезно улучшат санитарную обстановку в районе.

– Путь к сердцам избирателей лежит через их испражнения! – помпезно заявил Тополянский, громко стукнув фляжкой по столу.

– Ты смеешься, – не выдержал Джаванидзе, – а конкретного ничего не предлагаешь!

– Это почему же? – возмутился Тополянский. – Сейчас предложу. Жор! Давай мы скинемся, съездишь отдохнешь на Мальдивы, вернешься восемнадцатого октября с какой-нибудь симпатичной обезьянкой, загорелым, в отличие от этих м...ов, которые будут здесь драться за депутатство, а?.. И тебе хорошо, и нам неплохо, – со вздохом завершил он свою конструктивную речь и в изнеможении откинулся на спинку стула. Видимо, влияние алкоголя стало сказываться.

Все напряженно посмотрели на Георгия. Все понимали нереальность этого варианта, но надежда умирает последней: а вдруг согласится!

– Вы что, надо мной издеваетесь? – грохнул кулаком по столу Ершевский, отчего все потупили взоры, а Тополянский сморщился и опять устремил фляжку навстречу истомленному жаждой рту. После глотка ему полегчало, и он веско заметил:

– Ну хорошо... Я согласен на Флориду. Обезьянок подберу и оплачу лично.

Ершевский с негодованием выдохнул воздух.

– Нет, Жора, ты не обижайся, – заговорил Яровой. – Мы все прекрасно понимаем, что в выборах участвовать надо. Без политической поддержки нас всех нахлобучат, ясно также и то, что без бабок выиграть нельзя, но... Жора, должны быть гарантии... Я же вкладываю деньги. Если дело выигрышное, я не то что пятьдесят, а двести пятьдесят дам! Но опять же должны быть гарантии... Это же своего рода бизнес!

– Какие, бл..., гарантии? – прорвало наконец Ершевского. – Я могу дать только гарантии, что мы сделаем все возможное для победы. Ты что, не понимаешь, в какой обстановке я начинаю борьбу? Разве ты не знаешь, что есть кандидат от партии власти, которому будет оказана всесторонняя поддержка? Каких гарантий ты от меня хочешь в этих условиях?

– Я понимаю, понимаю, – успокаивающим тоном сказал Яровой. – Я помогу чем могу. Но все не так просто, деньги нужны большие, их не так просто изъять из оборота.

– Да, – громыхнул Дима Столяров. – Денег-то нету... У меня вон... сахара х... знает сколько мешков, муки х... знает сколько мешков... – Он немного подумал и сказал: – Я, если хочешь, могу по бартеру... Нет проблем. Расплатишься там... с кем-нибудь... как-нибудь... может быть...

Наблюдая со стороны за этой конструктивной беседой, я вдруг с ужасом понял, что все движется по кругу и скоро наступит моя очередь объяснять, почему у меня нет денег и я не могу забашлять даже по бартеру на выборы. Но мне повезло, нервы не выдержали у сидящего следом за мной по часовой стрелке Чернобородова:

– Ну если уж вы там, то мне вообще удувиться можно... Моя овощовка загибается день ото дня, фирма работает по нулям. Вчера опять списал две тонны картошки, сгнила к е...ной

матери, вонища стояла, словно стадо слонов пургена объелось. Торговля встала, вот и выкидываем... Вы даже себе представить не можете, как воняет, когда гниют помидоры! Кто-нибудь видел протухший кетчуп? Нет? Я вам привезу пару баночек, понюхаете. И откуда здесь взяться деньгам? У меня от работниц так воняет, что их е...ари ко мне жаловаться ходят! Удивляются, чем я их таким опрыскиваю, и спрашивают, когда я наконец прикрою свою вонючку?! Впору перепрофилировать ее в общественный сортир...

После этих красочных высказываний большинство сидящих за столом нервно задергали носами. Я, сидевший рядом с директором овощебазы, уловив запах чего-то малоприятного, стал потихоньку отодвигаться от него.

Единственным, на кого этот рассказ не произвел впечатления, был Ершевский:

– Ну, заныли, заскулили... Вас послушаешь, подумаешь, что здесь одни нищобы собрались! Как их интересы защищать – все ко мне, как помочь мне – хрен кого допросишься!

– Ну как же не допросишься?! – вяло проговорил уже «поплывший» Тополянский. – Четыре года назад попросил – получил... двенадцатое место в общем списке, два года назад попросил – получил... седьмое место. Я не спорю, прогресс, конечно, есть. Но темпы не впечатляют. Во всяком случае, по сравнению с затратами.

– Альберт, может быть, ты что-нибудь скажешь? – наконец подал голос Гайдук, обращаясь к Джаванидзе.

– А что я скажу? – откликнулся тот. – Я давно говорю, что на выборы идти надо. Обязательно надо. Без политики бизнес не сделаешь, но надо менять стиль работы. Давно пора перевести фирму в Москву и послать к этой матери всю эту местную политическую гнилушку. Надо вообще работать по-крупному, давно пора было завязаться с Уолл-стрит, купить акции крупнейших компаний и стать их дилерами в регионе. Я давно уже все это говорю!

– Ну, в общем, – громко сказал Ершевский, – пора подводить итог. Предлагаю поставить на голосование вопрос о выделении на мою избирательную кампанию пятидесяти тысяч баксов. Голосуем поднятой рукой. Кто «за»?

Последние два слова прозвучали как приговор. Руки медленно, но неумолимо поползли вверх. Тополянский отличился и здесь, подняв вверх фляжку, которая в силу значительной раскоординированности его движений слегка наклонилась, и живительная влага полилась на полированный стол из мореного дуба.

– Итак, остался последний вопрос: как распределить сумму? – спросил Ершевский.

Все посмотрели на Ярового, видимо, потому что он называл конкретную сумму в двести пятьдесят тысяч долларов. Яровой потупил взор и сказал:

– Двадцать пять.

– Сережа, надо сорок, – тут же отреагировал Ершевский.

– Хорошо, тридцать, – выдохнул из себя Яровой.

– Женья? – перевел потяжелевший на тридцать тысяч баксов взгляд на Тополянского кандидат в депутаты.

Тополянский отхлебнул из фляжки остатки жидкости, аккуратно и плотно завернул крышку, положил фляжку в карман и, посмотрев на Георгия на удивление трезвым взглядом, сказал:

– Больше десяти не дам.

– Дима? – еще более тяжелым взглядом посмотрел Ершевский на Столярова.

– Шесть... Из них три бартером, – ответил Дима и положил в качестве последнего слова свои кулаки на стол.

– Адриан?

Чернобородов вздохнул и сказал:

– Две...

– Только не бартером!!! – завопили все.

Ершевский радостно перевел взгляд на Веселова, и тот быстро ответил:

– Хорошо, вся полиграфия за мой счет.

– Что ж, господа, – Ершевский помпезно поднялся, как человек, прошедший последние два часа в доброй и радостной беседе с друзьями. – Я рад поздравить вас с этим несомненно мудрым решением. Мы приложим массу усилий для того, чтобы преодолеть те препятствия, которые, несомненно, возникнут на пути к победе. Другого выхода у нас просто нет...

– Аминь, – сказал Тополянский, после чего поднялся из-за стола и шаткой походкой направился к выходу. Его примеру последовали и остальные.

Ершевский задержался, обсуждая какие-то технические детали с Веселовым и Гайдукком, а я же посчитал, что с меня на сегодня хватит, и решил покинуть гостеприимный «Корабль Иштар».

На выходе меня окликнул Гайдук:

– Валерий Борисович, куда же вы?

– Полагаю, что домой, – ответил я.

– Впрочем, может быть, это и верно, – согласился он со мной. – Сегодня, когда наконец решился вопрос с финансированием, остаток дня мы посвятим чисто организационным вопросам. Завтра мы выделим вам кабинет, завтра же я познакомлю вас со всеми вашими подчиненными, и мы согласуем план работы.

Он быстро пожал мне руку, глазки его светились радостью, как будто я вернул ему старый долг, который мог бы и не возвращать. Я постоял на крыльце, подождал, когда «Мерседесы», «БМВ» и «Вольво» разъедутся восвояси, и уж потом отправился к своей «пешке». Я с натугой завел движок и тронулся в направлении дома.

Проходя мимо своего почтового ящика, я заметил, что в нем что-то есть. Открыв его, я обнаружил пакет с документами от Булдакова, где содержалась информация об обстоятельствах убийства его племянницы.

Поскольку мой биологический винчестер был перегружен информацией об итогах состоявшегося судьбоносного саммита в офисе фирмы «Корабль Иштар», то я не стал глубоко проникать в суть информации от Булдакова, тем более что она была скудна. Практически, документы повторяли то, что я услышал от самого Булдакова вчера. Я резидентно сообщил все это Приятелю, после чего вспомнил о том, что еще вчера хотел побыть дома в тишине. Однако вчера это не удалось из-за Булдакова. Но сегодня я решил отыграть за вчерашнее и все-таки устроить себе тихий вечер № 2.

Но, едва я успел рассказать Приятелю о событиях, произошедших на совещании в офисе Ершевского, не до конца при этом понимая, зачем это Приятелю надо, как в дверь позвонили. На пороге стоял человек, с которым я имел счастье познакомиться лишь сегодня, – Сергей Яровой.

На его лице было такое выражение, как будто я его чем-то слегка озадачил. Он смотрел на меня несколько секунд, чуть-чуть приоткрыв рот. Я попытался помочь ему выйти из ступора: отошел в сторонку и, махнув рукой, произнес:

– Прошу вас.

Яровой медленно двинулся в направлении комнаты, шурша длинным плащом, который, конечно же, являлся весьма дорогим, но, на мой взгляд, был ему несколько великоват. Войдя в прихожую, Яровой стал оглядываться и мяться. То ли обстановка квартиры не произвела впечатления на гостя, то ли он до конца не решил, нужно ли ему было приходить или нет, но так или иначе мне надоело его топтание на месте, и я сказал:

– Раздевайтесь и проходите в комнату.

Яровой стал искать, куда же ему пристроить дорогую кожаную папку с золотым замком. Я решил смилостивиться над беднягой и взял ее в руки. Он поблагодарил, повесил плащ на вешалку и прошел наконец внутрь.

– Присаживайтесь, – указал я ему на кресло у журнального столика. – Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – ответил Яровой.

– Спиртного, к сожалению, в доме нет, – заметил я.

– Не беспокойтесь, – отмахнулся он.

Яровой положил папку на журнальный столик и, видимо, вконец освоившись, энергично сказал:

– Вы знаете, у меня к вам дело!

– Да ну?! – удивился я.

– Да-да, – не поняв сарказма, начал заверять меня Яровой. – Речь пойдет о деньгах, – сказал он, задумчиво потирая руки.

– А-а, значит, у вас денежное дело! – улыбнулся я, также невольно потирая руки.

– Я не привык сорить деньгами, – заявил Яровой.

– Значит, у вас действительно денежное дело!

– Да-да! – снова заверил меня он и продолжил: – Все это, – он нарисовал руками воздушный шар, – что вы могли наблюдать сегодня в офисе Ершевского, мне не очень нравится.

– А чем, собственно, вам это не нравится?

– Вы знаете, я не привык сорить деньгами, – повторился он.

– Я это уже слышал...

– Да... Но тем не менее... Это мое правило. А Жора... Жора просит слишком много, ничего при этом не гарантируя. Нет, эти деньги у меня, конечно, есть, но я... В общем, у меня есть определенные правила.

Хорошо, что его ладони были мягкими и гладкими, как у женщины. Шахтер давно бы стер ладони, потирая их друг о друга. Он начинал потихоньку раздражать меня.

– А чем, собственно, я могу вам помочь? – как можно более вежливо спросил я.

– Я должен получить определенные гарантии, что оговоренная утром сумма не пропадет даром.

– Наверное, вы что-то не поняли. Я не представляю никакую страховую компанию, меня пригласили возглавить службу безопасности кандидата в депутаты Ершевского.

– Нет-нет, я, собственно, хотел узнать ваше мнение как специалиста, – забеспокоился Яровой. – Вы же специализируетесь по всяким сложным, запутанным ситуациям. Говорят, у вас есть даже дар предвидения.

– Врут, – коротко прокомментировал я. – А специалист я все-таки больше в области криминалистики, нежели в области политических игр. Поэтому ничего, кроме того, что я приложу все усилия для того, чтобы ваши деньги не пропали, я пообещать вам не могу.

– Да? – задумчиво спросил Яровой. – Ну ладно... Но все равно вы меня успокоили.

– Я искренне рад, – сказал я и поднялся.

Он задумчиво последовал моему примеру и как-то неуверенно и медленно пошел к выходу. Этот человек производил впечатление купившего дорогую вещь, но так до конца и не уверенного, нужна она ему или нет. Ему не давала покоя мысль, что, может быть, не поздно еще отнести ее назад в магазин...

Я закрыл за ним дверь, вернулся в комнату и развернул купленную утром газету. В ней, в частности, сообщались фамилии кандидатов, зарегистрированных по Коровинскому избирательному округу Тарасова. Я обнаружил, что соперниками моего патрона и подопечного Ершевского выступали следующие фигуры: генерал Юрий Муханев, начальник воздушно-десантного училища (блин, подумал я, опять курсантики будут ходить с листовками и бессвязно объяснять, что их шеф самый лучший), Ярослав Пальцев, директор похоронного агентства «Банзай», депутат городской Думы прошлого созыва (жаль, что покойники не голодают!), Сергей Пасленов, независимый кандидат, частный предприниматель (хоть бы указал,

ларек у него или лоток!), и Игорь Филимонов, директор автобазы «Залетная» (этот наверняка будет обещать бесплатный маршрут по кольцу вокруг Тарасова...).

«Сколько м...ков!» – подумал я, не исключая из этого числа никого.

От этих мыслей меня отвлек новый звонок в дверь. «Кого еще черт...»

За дверью я обнаружил скромно улыбающегося Джаванидзе. Тот кузнечиком запрыгнул в прихожую и энергично потряс мне руку:

– Рад еще раз приветствовать вас!

– Взаимно, – ответил я, указывая на гостиную.

Джаванидзе не мешкая прошел в комнату. Он уселся на место, которое еще не успело остыть от зада Ярового, и сразу активно заговорил по делу без всяких преамбул:

– Валерий, выборы, конечно, очень важная вещь, но не самая главная. Человек, регулярно участвующий в выборах, пусть даже не слишком удачно, постепенно укореняется в общественном сознании как неизменное зло. И постепенно выборы, происходящие без его участия, становятся неполноценными. В конце концов, зарабатывается авторитет постоянно действующего политика. И вообще, без депутатской неприкосновенности, без мандата невозможно нормально заниматься бизнесом – сожрут предприниматели-конкуренты. Но это не самое главное. Главное – мыслить широко, я бы сказал – глобально.

Давно пора перевести головные конторы в Москву, чтобы выйти из-под непосредственного давления местных структур, частично находясь под московскими «крышами». Давно пора выходить на мировую арену, и начинать надо прямо с Уолл-стрит. С нашим профессионализмом и опытом мы могли бы серьезно там поработать. А мы по-прежнему возимся в этой грязи, как свиньи... И все потому, что меня никто не слушает! Как вы считаете? – спросил он.

– Что? – очнулся я от дремы, в которую он меня вводил своим монологом.

– Я спрашиваю, как вы считаете, я правильно говорю?

– Да-да, конечно, – быстро согласился я. – А какой у вас, собственно, вопрос?

– Какие еще вопросы! У меня нет вопросов, у меня одни ответы, но меня мало кто слушает! – горячо воскликнул Джаванидзе. – Всегда важно, чтобы тебя понимали и одобряли. Мне кажется, в вашем лице я нашел человека, мыслящего так же широко. Надеюсь, мы с вами работаем. Кстати, вы не хотите вступить в члены нашей ассоциации? Это очень легко – нужно лишь написать заявление и составить бизнес-план на ближайшие полгода.

– Я подумаю, – сказал я, – но обычно дальше завтрашнего дня я ничего не планирую. А какое у вас, собственно, дело-то?

– Какое может быть дело?! – снова горячо заявил он. – Я пришел поближе познакомиться с незаурядным человеком, с которым придется работать, надеюсь, что очень долго.

– Очень был бы рад этому, – тяжело вздохнул я.

Джаванидзе посмотрел на часы и сказал:

– Ну, мне, кажется, пора.

– Было очень приятно послушать вас, – соблюдая правила хорошего тона, произнес я. – Глобальности мысли действительно многим не хватает.

– Всегда к вашим услугам, – радостно заявил Джаванидзе и шустренько побежал к выходу.

Я закрыл дверь и радостно вздохнул. Но, увы, визит глобально мыслящего кавказца оказался не последним в этот «тихий вечер». Я успел прочитать только три полосы газеты и перешел к самой интересной, последней, где говорилось о скандалах недели, как в дверь снова позвонили.

Открыв ее, я увидел туловище в спортивном костюме. Оно нагнулось, и моему взору стала доступна голова Димы Столярова, который по росту не вписывался в мою старую дверную коробку. Пройдя в помещение, он протянул мне руку и аккуратно пожал. Я был ему очень благодарен за это и тут же спросил:

– Вы по какому вопросу?

– Да я... собственно... как бы... вообще без вопроса, – несколько смутился он.

– Тогда на кухню, – решительно проговорил я.

Усадив его на самую широкую и прочную табуретку, на которой он с трудом поместился, я поставил чайник.

– Я просто познакомится поближе... ты у нас теперь вроде как за безопасность в ответе, – начал Дима.

– Если иметь в виду хулиганов, то тебе их опасаться, по-моему, нет причин. Скорее нужно заботиться об их безопасности.

– Да, – криво усмехнулся Дима. – Я же раньше это... боксировал, до камэеса... дошел. А потом вот... бизнесом занялся... И ничего себе так...

– Я это уже заметил. Первое – по твоему свернутому носу, второе – по твоей новенькой «Ауди».

– Ничего, будешь работать с нами... у тебя такая же появится... тачка, – успокоил меня Столяров. – У нас мало никто не получает. Ты... давай... получше заботься о нашей защите, и все...

– Какая же тебе еще нужна защита?

– Ну как?.. Сейчас... выборы пойдут... Кипеж подымется... Жорка в депутаты опять лезет... Опять, наверное, шмонать будут... Ты это... бди... Как что там наметится... сразу звони...

– А что, собственно, может наметиться?

– Ну как?.. Налоговая, например, может прийти... Ты нам заранее стукни, чтобы мы... ну, подготовились... Я в долгу не останусь... Сейчас, правда, с наликом напряг... мы тебе по бартеру... Сахар, мука... По десять мешков скинем, и нормально... Консервы есть хорошие, севрюга... амурская.

– А в Амуре разве есть севрюга? – спросил я.

Дима задумался так глубоко и серьезно, как будто это был вопрос его жизни.

Я решил прервать его размышления и сказал:

– Ну, если что узнаю, я завсегда стукну, звякну, шмякну... Короче, не бойсь...

Столяров, казалось, был удовлетворен услышанным, поскольку встал и пошел к выходу. Перед уходом он еще раз аккуратно, я бы сказал, ласково, пожал мне руку.

– Ну, давай, – сказал он мне.

– Угу, будь, – ответил я ему на прощанье.

Он сильно наклонился и вышел.

Постояв несколько минут в коридоре, я подумал, что с меня на сегодня, пожалуй, достаточно визитов из ассоциации «Защита предпринимателей от произвола». Можно даже сказать, что я сыт этими людьми по горло. И тут неожиданно зазвонил телефон.

Я взял трубку и сказал:

– Алло!

– Валерий Борисович? – услышал я звонкий голос.

– Да.

– Это Веселов говорит с вами, – радостно проговорила трубка.

– А-а! – громко заорал я. – Ну кто же еще! Как же я сразу не догадался! Вы как стоворились все... Один за другим, один за другим...

– Я плохо слышу и не совсем понимаю, о чем вы говорите... У меня к вам есть небольшое предложение и заодно просьба.

– Вы знаете, – перебил я его грубо, – я сегодня завален предложениями, а просьбы я по вечерам не принимаю. Давайте завтра в рабочем порядке в моем кабинете.

– А где он у вас? – недоуменно спросил Веселов.

– Черт его знает! Спросите у Гайдука, – и я отключил связь.

Я подумал, что мне надо срочно позвонить Чернобородову с тем, чтобы попросить его ни в коем случае не приезжать, но тут в дверь снова позвонили. Я яростно вздохнул и уже приготовился к прослушиванию ароматных историй о гнилом картофеле и испорченных помидорах.

Со злостью швырнув газету на диван, я рывком открыл дверь в прихожей и обнаружил стоящего на пороге Тополянского. Он широко и радостно улыбался, в руках держал средних размеров картонную коробку, на которой крупными буквами было написано «Jack Daniels».

– Бля-я-я! – вырвалось у меня что-то знакомое. Затем молча отодвинулся.

– Ну? – радостно спросил Тополянский. – Ты что, не рад меня видеть?

– Я просто в восторге! – ответил я.

– А я вот ехал мимо, дай, думаю, заеду, – сказал он, как будто совершал подобные визиты каждую неделю. – А в бардачке у меня как раз ящик виски завалился. Так что, командир, я у тебя здесь до утра...

И направился в гостиную. Я почувствовал, как на глаза у меня наворачиваются слезы. Но мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

– А закусь-то у тебя есть? – спросил он, поставив коробку с виски на стол.

– В холодильнике, – коротко ответил я.

Он ринулся на кухню, внимательно осмотрел содержимое холодильника, и, очевидно, вид сосисок, вареной колбасы и нескольких банок консервов не произвел на него должного впечатления.

– Да у тебя и пожрать-то нечего! – резюмировал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.